

Виктор КОСТЕЦКИЙ

ВРЕМЯ СКАЗАНИЙ: ИДЕИ К ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ РОССИИ

Термин «викинг» остается не вполне ясным. Над его расшифровкой бились не меньше, чем над истолкованием термина «русь».

А. Я. Гуревич

Спорить с историками — себе во вред. Образованные они люди. Даты, эпохи, пароли, явки, имена — все знают. Но соглашаться с ними зачастую ум противится. Не то чтобы гераклитовское вспомнилось «Многознание уму не научает», но сомнения закрадываются в методологии науки под названием «История». Сомнения тоже не личного, а профессионального характера. В свое время Вольтер ввел термин «философия истории», Г. Гердер именовал свой капитальный труд «Идеи к философии истории человечества», Г. Гегель уже читал лекции по философии истории студентам. Даже наш отечественный «первооткрыватель России» — как выразился А. С. Пушкин о Н. М. Карамзине, лично успел побеседовать с Гердером, после чего принял за свой философско-исторический трактат о государстве Российском.

Предметом философии истории является не история, а дух истории. Есть «дух эпохи», «дух народа», «боевой дух». В немецком слове «дух» (Geist) есть коннотация силы. В. Гумбольдт стал употреблять выражение «дух народа» именно с отсылкой к силе: сила дыхания, сила ветра, сила пара, сила боевого духа. В этом смысле дух народа — это тоже сила, в том числе сила истории: от таинственной «судьбы» и «рока» до «пассионарности» Л. Н. Гумилева и «вызова-ответа» А. Тойнби. Умное, вдумчивое описание «духа» дает Л. Н. Толстой на примере «духа школы»: «Есть в школе что-то неопределенное, почти неподчиняющееся руководству учителя, что-то совершенно неизвестное в науке педагогики и вместе с тем составляющее сущность успешного обучения, — это дух школы... Этот дух школы есть что-то быстро сообщаемое от одного ученика к другому, сообщаемое даже учителю, выражающееся, очевидно, в звуках голоса, в глазах, движениях, в напряженности соревнования, что-то весьма осязательное, необходимое и драгоценнейшее, и потому долженствующее быть целью всякого учителя» [Толстой, 1989, с. 29].

В методологическом отношении никто не собирается, конечно, приноживаться к истории или улавливать ее эфирные вихри. Просто в логике истории есть лазейки ее понимания поверх традиционного исторического образования. Можно пояснить

Виктор Валентинович Костецкий — доктор философских наук, профессор. Родился в 1955 году на Крайнем Севере, учился в Ленинграде, жил и работал в Сибири. С 2000 года преподает в разных вузах Санкт-Петербурга, в настоящее время — профессор Академии художеств.

таким примером. «Допустим» (как говорят математики), что для полного понимания исторического события X необходимо и достаточно 100 фактов. Такого количества фактов у историков не бывает никогда. Но если есть общая тенденция на основе пусть 70 фактов, то историки методом неполной индукции делают весьма вероятностный вывод. Естественно, что при обобщении тысячи фактов, объединенных в группы по сотне с семидесятипроцентной вероятностью, вероятность будет снижаться, порой до нуля.

Представим далее, что среди ста фактов, необходимых для понимания события X, есть один особый факт-улика, уже достаточный для понимания всего события, причем этот факт находится в числе известных. Только остается неведомым, какой именно из фактов является уликой. Историки его не выделяют, не замечают, игнорируют, считают незначимым. Но именно этот один-единственный уличающий факт и определяет дух исторического события X. Как известно, в судопроизводстве иногда бывает достаточно одной улики для вынесения приговора. Да и поговорка есть на эту тему: «Для того чтобы понять не скис ли борщ, не надо съедать всю тарелку».

Еще с античных времен известен особый способ познания, конкурирующий с индукцией и дедукцией — физиогномика. Гнома — маленькая примета, уличающая в происходящем. Ф. Бэкон в своей методологии науки не оставил гномический способ познания без внимания: «Учение о союзе души и тела, — писал он, — может быть разделено на две части... Первая часть, то есть описание того, что можно узнать о душе исходя из состояния тела и что — о теле, исходя из акциденций души, дала нам два вида науки о предсказаниях, один из которых известен благодаря исследованиям Аристотеля, другой — Гиппократов... они покоятся на достаточно прочном основании...» [Бэкон, 1977, с. 242–243].

С точки зрения метода физиогномики любое событие являет себя: абсолютное сокрытие невозможно. Хотя аргумент против этого тезиса известен еще со времен Соломона: невозможно обнаружить след рыбы в воде, след птицы в воздухе и след мужчины к женщине. По крайней мере, история не укладывается в эти исключения. Различая в историческом событии само событие X и дух события X, Гегель утверждал, что необходимая улика может быть обнаружена методом категориального анализа: необходимое и случайное, часть и целое, содержание и форма и далее по списку «Науки логики». Гегелевский друг юности Новалис говорил проще: «Чем поэтичнее, тем истиннее». Впрочем, эта мысль еще определеннее высказывалась Аристотелем: «...поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном» [Аристотель, 1984, с. 655]

Обращаясь к предыстории России, можно с уверенностью утверждать, что историки ее не знают; да, собственно, и не скрывают этого в академических трудах. За три века до Рюрика в арабских и византийских хрониках ничего не говорится не только о каком-либо государстве Руси, но даже о славянах на всей территории будущей «Киевской Руси». Историки дают такую версию: «К сожалению, в разноязычных источниках о Восточной Европе VI–VIII вв. сведений о славянах меньше, чем, скажем, о тюрках или аварах... Это объясняется опять-таки спецификой византийских источников (а они здесь доминируют), фиксирующих прежде всего события, связанные с... особенно опасными для империи объединениями кочевников (гунны, авары, болгары и др.)» [История Европы, 1992, с. 195]. Версия академической науки такова: о славянах на Русской равнине в летописных источниках мало упоминаний (практического ничего!), потому что некие «восточные славяне» вели себя очень-очень тихо. С вероятностью такого вывода можно, конечно, согласиться. Но...

Если обратиться к карте заселения Европы в соответствующий период истории, то можно видеть, как по югу Восточной Европы булгары (метисы: европеоиды с мон-

гольскими чертами, потомки хуннов) широкой полосой заселяют земли от Кубани и Крыма до Дуная и Карпат. На северо-востоке Русской равнины давно живут племена финно-угров. К югу от Балтики к западному побережью Черного моря тянутся земли ляхов и чехов Великой Моравии. А к югу от Ладоги к Черному морю по всему бассейну Волхова и Днепра идут временные поселения скандинавских готов, вплоть до степей в Крыму. Возникает вопрос: где здесь место для малоизвестных «восточных славян»? Или они кочевники? Ответ историков, как всегда, вероятностный: ну, где-то между булгарами, печенегами, ляхами, чехами, готами, уграми живут и восточные славяне. Одно точно «известно» историкам: если есть западные славяне, то должны быть и восточные. Даже имя у этих неизвестных восточных славян есть условное: русы. Хотя термин «руссы» из чешско-польских былин. В Моравии были сказки про трех братьев: это Чех, Лях, Рус. Причем неясно, является ли Рус прибалтом, черноморцем или, к примеру, автохтонным жителем Фракии. По логике историков, если первые два есть в наличии, то, вероятно, где-то и третий свою действительность осуществляет.

Между тем земли брата Руса на Русской равнине как-то не просматриваются. Можно видеть по историческим картам, как готы давят по всей линии Балтика—Крым. Для скандинавов территория по берегам Волхова и Днепра была явно «своей», особенно в зимнее время, когда эти реки замерзали, а климат в середине первого тысячелетия был холоднее нынешнего. В районе озера Ильмень реки Волхов и Днепр почти сходятся своими истоками, после чего текут одна на север, другая на юг. Благодаря сопряжению рек в их верховьях скандинавам зимой открывался легкий санный путь от Ладоги до Черного моря: даже ладьи не надо было перетаскивать в отличие от легкой навигации. Далее можно видеть на карте, как гунны своими разноплеменными ордами давят с Кубани на Крым неистово, выдавливая готов в Западную Европу.

В русских сказках есть своя сказка о трех братьях: двух умных и Иванушке-дурачке. Не исключено, что этих самых умных братьев звали Чех и Лях. Так куда запропастился Иванушка-дурочок, он же, возможно, братец Рус?

Присмотримся, однако, к странному народу «боулгар» (в греческом произношении). Предки булгар родом из славного царства Хунну, севернее Китая. В III веке нашей эры саранча разорила Хунну, и двинулись народы этого царства южными степями в Южную Европу. По пути ассимилировали часть индоевропейцев-иранцев и финно-угров уральских. Смешение рас сказалось на цвете кожи и разрезе глаз. К IV веку булгары достигли Кубани и Крыма, где до того времени беспечно зимовали остготы, а столетиями ранее бытовали скифы. Скандинавы ретировались за Дунай.

После смерти булгарского хана Кубрата в 665 году один из его старших сыновей с частью населения ушел на северо-восток, образовав «Волжскую Булгарию», а младший сын хан Аспарух с войском и обозами двинул с Кубани на запад искать лучшей доли. С боями и грабежами Аспарух прошел сквозь Византию на Балканы и на территории древней Фракии образовал свое булгарское ханство — «Дунайскую Болгарию». Местное славянское население, страдая от поборов Византии, поддержало хана Аспаруха. Одно время знать говорила на тюркском языке — в то время как население говорило на славянском, но в итоге ханская знать перешла на славянский язык. Более того, новая знать не пожелала писать ни греческими буквами, ни латинскими, ни арабскими, но заказала себе из Великой Моравии новую письменность. Булгария предстала как самодержавное славянское государство, причем столь мощное, что пришло в голову Византии идти на уступки.

Фракийская «Булгария» уверенно просуществовала три столетия, в том числе четыре года под властью Святослава Игоревича. История Святослава, как известно, тра-

гична: получив с Византии выкуп, герой возвращался с богатствами в Киев на побывку, но по дороге был ограблен печенегами (родственными булгарам) и убит.

Весьма примечательно, что за сто лет до Святослава у балканских булгар был хан с именем Борис I, одного из сыновей которого звали на чешский лад Владимир I. Другой сын хана Бориса, Симеон I, став великим ханом, поименовал себя «царем», а сыновей «князьями». В смене наименований явно прослеживается собственное «самодержавие» в пику византийскому императору. Пусть не император, но царь! Историки как-то «забывают» пояснить, отчего терминология правителей Руси оказалась именно болгарской.

Довольно забавная история связана со словами «царь», «цезарь». Латиняне цезарями называли львов среди зверей и орлов среди птиц: лев — цезарь зверей, орел — цезарь птиц. Римский род Юлиев взял себе общим именем слово «Цезарь» именно в первоначальном смысле слова. Но деятельность одного из отпрысков этого рода, Гая Юлия, привела к появлению нарицательного слова «царь».

Балканская Булгария не приняла от франков титул государя «король», не приняла от Византии титул «император», не оставила за собой тюркский термин «хан», но ввела новый титул «царь» и стала именоваться «царством». Более того, после принятия христианства Булгария (Βουλγαρία) отказалась от латиницы: при посредстве «моравских братьев» изобретается новый алфавит глаголица, позже кириллица.

Имена Святослав, Владимир, Ярослав — имена чешские, равно как Святополки, Миромиры, Любавы, Людмилы, Драгомиры, Ростиславы, Вячеславы, Ратиборы (порядка двухсот имен). Дух имени иносказателен. Каким образом в семье скандинавов Избора (Игоря) и Хельги (Ольги) первенец называется не именем скандинавов, не именем мифических «восточных славян» (таких имен до сих пор толком неизвестно), а именем правителей «Великой Моравии»? Родители были уже не молоды, имя давали сознательно. Чем тогда руководствовались и почему подобные имена были приняты населением без какого-либо сопротивления? Странная картина получается: первые князья Руси с печенегами задруживаются, с волжскими булгарами и финно-уграми общаются, со скандинавами рождаются, а имена детям дают чешские: Святослав, Владимир, Ярослав. И титулы «князь», «царь» родом из Болгарии, и письменность с того же зарубежья.

Упомянутые в летописи Нестора скандинавы «земли Русской»: Аскольд, Дир, Олег, Игорь, Святослав — все ходили грабить византийские земли вплоть до Балкан. Святослав планировал Болгарию сделать своей вотчиной, если не отчиной. При этом, как ни странно, грабя Византию, киевские скандинавы на Балканах вели себя по-другому, а порой и по-отечески. Скандинавы «русели» еще до появления Руси. Киев явно был для держателей земли Русской проходным звеном между Скандинавией и Балканами, а целью служили в каком-то качестве земли болгарских Владимиров, Борисов и чешских Ярославов, Мстиславов, Радзимиров. Скандинавы не посягали на владения каролингов, не собирались двигаться на восток сквозь финно-угорские племена, не пытались пробивать тюркские племена Крыма, Кубани, Прикаспия в стремлении к югу, но жестко держали курс в сторону Западного Причерноморья и Балкан. Там было много избыточного и обиженного на Византию славянского населения, особенно во Фракии.

Фракия в древности поражала современников. Были города, но долгое время не было письменности — как и в Великой Скифии. Славилась конями и независимостью. Бог войны Арес и богиня-охотница Артемида вошли в олимпийскую мифологию, причем как боги яростные, даже в сравнении с римским Марсом. Фракийским божеством был Орфей, фракийским бунтарем был знаменитый Спартак. Культ Диониса с вакхан-

ками, сатирами и менадами заимствован из Фракии почти всей Элладой и способствовал искусству Древней Греции. Экспрессивная фразеология во времена дионисийских празднеств, практикуемая матронами — женщинами знати, — породила по мере утраты сакральных смыслов «матерный язык», он же «русский мат». Фракия, сосуществуя долгое время в соседстве с Македонией и Грецией, почти всегда оставалась закрытой страной, причем с веселым населением. Город Абдера, родина Демокрита, даже прославился юмором своих граждан подобно Одессе. С появлением Византии от древней Фракии мало что осталось, но славянское население охотно пребывало на ее территории, наследуя былые традиции. Если бы брату Русу где-то жилось весело-вольготно, так это во Фракии.

Ситуация на Балканах осложнилась после 865 году, когда Болгария принимает христианство, несмотря на значительный протест славянского населения. В свою очередь, среди принявших христианство славян возникают принципиальные богословские споры, которые резюмировались к X веку в проповедях образованного богослова по имени Богомил. Богомилство распространилось быстро и широко, включая Константинополь, Малую Азию и государства франков. Среди богомилов возник любимый среди христиан Руси обычай «старчества» и «старцев»; термин «христиане» был заменен на «крестьяне», причем символика креста была изменена. Богомилы проповедовали скромный образ жизни и сознательное противостояние козням «князя тьмы», поименованного в учениях богомилов «Сатаной» (от Сатанаила). Богомилские «крестьяне» восстановили зороастрийскую символику света и тьмы и объявили войну сатанизму. Церковь жестко среагировала на идеологию богомилства: гонениями и казнями. В результате часть населения Булгарии, не принявшая христианство, потянулась к соплеменникам на Волгу, а часть христиан ушла, как говорится, в подполье (брата Руса).

По странному стечению обстоятельств народная культура неуловимых «восточных славян» оказалась удивительно схожей с болгарским богомилством. Что касается «волжских булгар» на Каме и Вятке, то они в 922 году приняли от арабов ислам, намеренно разорвав связи с христианствующей Европой. Правда, возникает вопрос: все ли славянское население «волжской Булгарии» приняло ислам, и не было ли оттуда нового исхода населения в центр Русской равнины?

Миграционные потоки населения на историко-географических картах фиксируются определенными датами, но в реальности даты размыты на интервалы плюс-минус десятки лет. Иногда миграция осуществляется решительно, походом дружины с обозами на новые земли. Иногда мигранты медленно просачиваются на возжелаемые места обитания поодиночке, объединяясь впоследствии в рода и племена, в города и села. То, каким образом «восточные славяне» оказались рассеянными по Русской равнине, исторической науке неизвестно.

Как известно, о «восточных славянах» заговорили после того, как с их участием начались набеги скандинавов на Византию. Известно, что Олег со скандинавской дружиной, рекрутами из славянства и наемными отрядами печенегов представил себя Византии в качестве влиятельной особы, за которым закреплены немереной величины «земли русские», а он есть князь и господин этой земли. В походе на Византию Олег топорами изрубал все население вблизи Константинополя, «бесчинства чинил» — то есть использовал, говоря современным языком, методы террора.

В многотомном академическом издании «История Европы» используется довольно странная терминология: без разбору употребляются термины «князь», «царь»; говорится о какой-то «эпохе викингов»; викинги называются «купцами», а русские доблестные князья совершают «походы» на Византию. О «датских деньгах» упоминает-

ся едва ли не один раз, причем в качестве частного случая дани англичан «данам» — нападавшим на Англию датчанам. При такой подаче истории остается только соглашаться с Ф. Тютчевым: «Умом Россию не понять». Вся историческая терминология покрыта толстым флером паллиативной литературщины.

В свое время наш замечательный, хотя одно время опальный историк-медиевист А. Я. Гуревич сделал относительно викингов занятное пояснение. Викинг у скандинавов «эпохи викингов» был не человеком, а промыслом. Так и говорили: «ушел в викинг», «погиб в викинге» [Гуревич, 2007, с. 124]. Промысел был бесчестным, подобно промыслу проституток. Суть промысла сводилась к тому, чтобы на подступах к богатому городу вырубить топорами несколько сел, садистски перерезать беременных женщин и детей, а затем уйти, чтобы через месяц вернуться к городу с угрозами и предложением откупиться. Тактика террора была столь успешной, что вся Западная и Южная Европа платила «датские деньги» три столетия, это IX—XI века. Платил смелый король Ричард Львиное Сердце, платили парижане, платила Центральная Европа. Военная база скандинавов на Сицилии позволяла скандинавам «датчанам» и «норманнам» — охватывать пиратским промыслом всю цивилизованную Европу двумя руками: по Атлантике на западе и по рекам Дунай—Днепр—Дон на востоке.

Пресловутая «эпоха викингов» в реальности представляла собой организованное пиратство в качестве террористического квазигосударства, если не квазицивилизации со своими городками, базами, складами, верфями, флотом, ополчением, дешевыми гаремами, прикормленным населением по всей территории промысла. Террористы возили «датские деньги» из разных городов Европы буквально подводами: с серебром, золотом, драгоценностями. А. Я. Гуревич приводит такие цифры: «датские деньги» Англии в 1002 году составляли 24 000 фунтов серебра — огромная сумма; в 1006 году 36 000 фунтов, в 1012 году 48 000, а после 1016 года 80 000 фунтов серебра и далее ежегодно крупными суммами до 1051 года. Не имея порой возможности доставить обозы по назначению, награбленное добро просто закапывалось в землю — обычным для пиратов способом. Изъятые сокровища по большей части пропивались, терялись, шли на подкупы и подарки, на демонстрацию личного «богатства»; только меньшая часть шла на восстановление пиратской инфраструктуры и строительство нового флота. Викинги не были купцами, не были воинами; они были профессиональными террористами и убийцами, что не мешало им, конечно, приторговывать. Когда викинги столкнулись в Испании с храбрыми арабами халифата, то быстро потерпели сокрушительное поражение от профессиональных воинов, в том числе на море. Так Испания оказалась свободной от «датских денег». А воинственные королевства германцев в Западной Европе не нашли лучшего средства обороны от пиратов Скандинавии, чем откупаться «датскими деньгами».

Государство Русь, внезапно для европейцев объявившееся на подступах к Константинополю с требованием выкупа, возникло на восточном фланге скандинавского пиратства. Удачливый самозванец Олег, не без оснований прозванный «Вещим», очень скоро понял, что «датские деньги» можно собирать с «Русской земли»; тогда и ходить походами никуда не надобно. Но с податного славяно-финского населения поездов с серебряной и золотой утварью не соберешь, с волжских булгаров в богатых «сапогах» тоже, поэтому находчивый пират организовал сбор дани «с лапотников» мехами, медом и пенькой, обменивая их у западных сотоварищей на серебро, часть которого тратил на наемников. Впрочем, с наемниками скандинавы Руси предпочитали не расплачиваться деньгами (ограничиваясь авансом), а давали добрый совет: «Идите по нашим землям восвоюси и по дороге грабьте с нашего разрешения, кого пожелаете».

Понять Древнюю Русь с подачи историков невозможно: они не знают в истории цивилизации двух фундаментальных феноменов, диаметрально противоположных друг

другу: это ПИРАТСТВО и РЫЦАРСТВО. Для историков пиратство — это что-то вроде уголовщины, не исторический масштаб. Аналогичным образом рыцарство: один из сословных элементов культуры, причем достаточно редкий. Эти оценки историков принципиально не верны. С точки зрения философии истории «рыцарство, — как писал Н. А. Бердяев, — остается вечным заданием человеческого духа, переживающим ветхие одежды рыцарства средневекового» [Бердяев, 1989, с. 772].

В отличие от мнений историков, пираты не являются тривиально «уголовным элементом», типа грабителей с большой дороги. Даже в эпоху Просвещения каперство — морской разбой по лицензии — практиковалось вполне «законным» образом. Точно так же скандинавское пиратство IX—XI веков, организованно терроризирующее всю Европу от Атлантики до Малой Азии, было особым типом государства со своей экономикой, идеологией и культурой. Культура пиратства представляла собой симулякр культуры знати, симулякр рыцарства. Рыцарство порой и само обращалось в пиратство, реже происходили обратные перемены. Разница между пиратством и рыцарством прежде всего в том, что рыцарь сражается в поединке за славу, пираты оравой бьются за «богатства». Чем богаче цивилизация, тем развитее и глобальнее пиратство, вплоть до государственных и межгосударственных образований. Скандинавское пиратство за три столетия сбора «датских денег» стало «международным»; там были и франки, и англы, и финны, и печенеги — люди-стяжатели без рыцарства в духе, какие есть в любом этносе.

Племена брата Руса исторически оказались в орбите скандинавского пиратства, и «датские деньги» брались с них, с «русского брата», причем отчасти собственными руками. Славянский сын уходил в дружину, а потом собирал вместе с князем дань с отца и матери. Спустя тысячу лет Лев Николаевич Толстой будет негодовать по поводу того, что университет делает с детьми что-то странное: сын после получения образования начинает презирать в родителях их «русскость». Выпускники университетов вдруг начинают презирать «народность». «Университет готовит не таких людей, — писал Л. Н. Толстой, — каких нужно человечеству, а таких, каких нужно испорченному обществу» [Толстой, 1989, с. 224]. «Мало того, что люди эти грубо невежественные, — добавлял Толстой о выпускниках университетов, — они еще и безнадежно невежественные, так как вполне уверены, что они очень ученые, образованные люди» [Толстой, 1989, с. 454]. В этом и состоит тысячелетняя трагедия русской культуры.

Главная причина трагедии русской культуры банальна. При всей критике Европы надо признать, что Европа тысячу лет хорошо знала разницу между рыцарством и пиратством, культивируя рыцарство (в религии, в искусстве, в этикете) и осуждая пиратство. В Англии еще в XI веке после побед Вильгельма Завоевателя сами бывшие пираты занялись перевоспитанием: «Остерегайся грабежа и воровства, прелюбодеяния и блудодеяния, куртизанок и азартных игр, словоблудия и дерзости, самонадеянности и зависти к деньгам... приглашений на утренние и ночные попойки... остерегайся праздности... а так же сквернословия всякого рода» [Кардини, 1987, с. 146—147]. В России аналогичные требования появились спустя многие века, их сформулировал Петр I в наставлении юношеству. Рыцарская устремленность Петра совершенно явно и однозначно представлена книгой «Юности честное зеркало», изданной в собственной петербургской типографии «в лета Господня 1717 года, февраля 4 дня». Вот отдельные выписки.

Младой отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и беспокоен, подобно как в часах маятник.

Младой шляхтич, или дворянин, ежели в обучении своем совершенен, а наипаче в языках, в конной езде, в танцовании, в шпажной битве, и может добрый разговор

учинить, к тому же красноглазов и в книгах научен, оные может с такими досуги, придворным человеком быть.

Отрок во всех пирах, банкетах и прочих торжествах и беседах, которыми он равенстников своих потчует, отнюдь никакой скупости или грабительства да не являет... Хотя в нынешнее время безмерная скупость у некоторых за обычаи принята... но отрокам надлежит знать что они сем способом в безчестие и ненависть придти могут... и таких людей ни мало не почитают, понеже они денги больше любят, нежели самих себя и ближнего своего.

Охотно ходи в церкви и в школы, а не мимо их.

Никто не имеет повеся голову и потупя глаза вниз по улице ходить, или на людей косо взглядывать, но прямо и не согнувшись ступать, и голову держать прямо, а на людей глядеть весело.

Три оных добродетели: приветливость, смирение и учтивость, — украшают не мало шляхетскую славу.

Кротко ступание, кротко седание, кроток взор, кротко слово тебе да будет.

Столетие спустя после петровских поучений Н. М. Карамзин все еще не был уверен в том, как расценивать пиратскую жадность «ненасытного, — по его словам, — Игоря», безмерный садизм Ольги, бабушки развратного и братоубийственного Владимира Святославича. Н. М. Карамзин прекрасно понимал, что пиратство первых Рюриковичей не объяснить язычеством, к чему склоняла церковь: христианские князья вели себя как самые одиозные пираты, — но называть вещи своими именами не решался.

Специфика русского государства не в его пиратской предыстории: при образовании любого государства имели место чередования рыцарства и пиратства. Другое дело, что государство Рюриковичей изначально было пиратским и упорно воздерживалось столетиями от рыцарства. Специфика России в том, что при пиратстве основателей государства «русский дух» населения хранил черты рыцарства явно древнейшего происхождения.

Несмотря на то, что русское государство возникло не вокруг «русского мира», а вокруг «датских денег» с собственного населения, в русской культуре дух рыцарства неистребим. В мирное время он не столь заметен, разве что излишней верой в дружбу, романтикой в любви, странной застенчивостью сильных и умных людей, презрением к наглости представителей власти. Другое дело, когда наступает военная эпоха. Фольклорный «русский дух» вдруг обращается в натуральный «боевой дух» без всяких побуждений «сверху». Девизы типа «Сам погибай, но товарища выручай» заряжают боевым духом даже иноплеменников в собственных рядах. Русский дух вдруг оказывается заразительным и всеобщим; победа вдохновляет; поражения вразумляют. Мирные люди неожиданно находят себя в ратном труде как в обычном для себя занятии.

Странно, но в народной русской культуре нет героической мифологии, нет эпоса, нет героических сказаний, нет пафосных тостов в мужских застольях, да, собственно, и самих мужских застолий нет — в отличие от многих других народов. В сказках даже богатырей несправедливо обижает «князь Киевский». Емеля — вроде как дурак, Иванушка — и вовсе «дурачок», Настеньку родной отец по велению злой мачехи зимой в лес отвозит, лиса в гостях у зайца его из родного дома выселяет. Никто не убивает драконов на злате, не покоряет тридесятое царство. Герой — на Коньке-горбунке, а сила — в правде. А ведь со времен Гесиода известно: «У кого сила, у того будет и правда», «Правду заменит кулак», «Деньги делают человека». Рыцарство в русском духе не буйное, а тихое, сокровенное. «И не краснеть удушливой волной, слегка соприкоснувшись рукавами», — пишет М. Цветаева о любви. Почему так тихо и глубоко дыхание рыцарства в «русском духе»? Смотреть надо в глубь истории.

Странной была Фракия, древняя страна на Балканах. Были города, но не было письменности. Священным был матерный язык с культом природы. Боги были яростными, а энтузиасты кроткими, подобно Орфею. Воинственная Македония опасалась Фракии, а корыстная Византия порой стремилась к мирному договору с ней. О фракийцах же ничего не известно, как и о «восточных славянах».

Для профессиональных историков история начинается с народов, обладающих письменностью: тексты их «конек». При возникновении первых цивилизаций письменность и города были нераздельными частями одного культурного комплекса, наряду с налогами, монументами и дворцами. По мере превращения «дворцовых цивилизаций» в деспотию часть населения организовано сбегала куда подальше: возникали поселения городского типа, но без налогов, монументов, письменности. Письменность — продукт учетчиков и контролеров при деспотической организации труда, а не плод литераторов. Соответственно, отвращение к грамоте не является свидетельством «варварства»; даже напротив: свидетельство непосредственного обращения к устному творчеству. В раннем европейском средневековье рыцарь был воспитан, но не образован, грамоты не знал. Аналогичным образом на Руси народ очень долго избегал грамоты, склоняясь к устному творчеству. По мере развития хозяйства письменность все равно самостийно возникала по принципу «Ее в дверь, она в окно».

После падения Римской империи, в которой смешались не только языки, но и народы, начались новые процессы этногенеза, причем сопряженные с образованием протогосударств. Люди Европы порой жили на колесах, перемещаясь табором с места на место. Знать перевозила на колесах разборные деревянные терема, собираемые по типу «паз в паз». В V—VI веках в Европе все было «временным»: поселения, племена, страны.

Первой самоорганизацией славян по типу государства стала Великая Моравия чехов и ляхов. Собственно фракийские славяне оставались в пределах Византии — восточной части Римской империи. Благодаря булгарам часть Византии отделилась от империи под видом Булгарии. Римские, они же фракийские, славяне стали на время «булгарами».

После разделения Великой Булгарии, существовавшей в степях Северного Причерноморья в VI веке, возникло две «Булгарии»: волжская и задунайская, между которыми в рассеянном состоянии оказались те же булгары, фигурирующие у историков под названием «восточные славяне». Задунайские булгары приняли христианство, волжские булгары приняли ислам, а рассеянные по Русской равнине славяне между Дунаем и Волгой не приняли ни того вероисповедания, ни другого и стали «русами». Мировые религии — религии письменные, книжные; для русов письменность была неприемлемой принципиально, они за устный язык — язычество.

Между прочим, в Элладе тоже существовало противостояние культур по линии письменность — устное творчество. У историков этот конфликт культур прошел мимо их внимания. Вся афинская культура пронизана всеобщей грамотностью. Но не так было в Древней Спарте. Спартанцы собирали мифы, афиняне их записывали. Спартанцы наизусть читали друг другу сказания Гомера; афиняне только цитировали. Спартанцы восстановили мифологию крито-микенских времен, перенося события на Олимп; афиняне считали мифологию исконно олимпийской. В Спарте сложился тот образ жизни, который характерен для рыцарства: битва и пир, причем битва поединками, а не толпой. Пир тоже имел свои особенности: застолье чередовалось с танцами, музыкой и пением, как об этом свидетельствовал еще Плутарх. В Спарте дух рыцарства был всеобщим: для мужчин и женщин, для детей и стариков. Афиняне заимствовали истоки своей культуры с двух сторон: это рыцарство Спарты с юго-запада и дио-

нисийство Фракии с северо-востока. Без Спарты Ликурга и Орфея Фракии не было бы Афин Перикла. Балканские славяне столетиями соседствовали с Элладой, не оставаясь безразличными к духу ее культуры.

Василий Осипович Ключевский, знаменитый русский профессор истории, начал историю России с понятия «колонизация». Ключевский прекрасно понимал, что окраины Российской империи не колонии. Но по факту все формальные признаки колонизации были налицо. Прежде всего, тот факт, что территория России неумолимо расширялась все время существования государства. Государственные границы выходили далеко за пределы родного ландшафта и заходили в зоны пустынь и тундры, ледников и высокогорий. Этнический состав ландшафтов и вовсе не имел значения. Л. Н. Гумилев стихийное расширение границ России, причем без особой необходимости и какого-либо специального планирования, объяснял «пассионарностью». Под пассионарностью этнограф понимал геобиологический феномен: в конце концов, все живые существа подвержены массовым миграциям на основе каких-либо ритмов Земли.

Правда, в случае наличия культур пиратства и рыцарства биоритмы Земли отходят на второй план при объяснении причин расширения государственных границ. Обычная причина колонизации — пиратство, в том числе государственное и целенаправленное. Необычная причина колонизации — рыцарство. Дух рыцарства требует приключений, в том числе в форме дальней дороги в неизвестном направлении. Потребность в приключениях имеет свою причину: отвращение к жизни в состоянии скуки. Человек разумный способен терять разум, в том числе в состоянии, которое определяется как «скучное». Скука естественным образом проходит при наступлении смертельной опасности, искусственное воспроизведение которой называется «приключением». Исторические истоки культуры рыцарства представлены теми обстоятельствами, когда избавление от безумия в форме пресловутой «скуки» оборачивается приключением не в качестве случайного события, а в качестве организованного образа жизни.

Рыцарские коннотации в «русском духе» требовали выхода на дорогу в неизвестном направлении, подобно лермонтовскому «Выхожу один я на дорогу...». Новое, но известное оборачивалось «скукой» и требовало нового выхода на дорогу в неизвестном направлении — это перманентный процесс. В. О. Ключевский его фиксировал как «факт колонизации», хотя и странный. Странность состояла в том, что «покоренные» народы не обнаруживали в «завоевателях» пиратства с соответствующей тягой к наживе. «Завоеватели» вдруг проявляли бескорыстие, до наивности. Покоренным азиатам невдомек было, почто русские их завоевывали, рубились насмерть, а после битв в гости приглашали, подарками одаривали, лечили, а про сбор дани порой вовсе забывали. Между тем азиатские культуры «колонизированных» народов после тысячелетнего опыта деспотических цивилизаций Древнего Востока были все пиратскими по своим архетипам, с редким включением рыцарства. В итоге императорская Россия в собственной империи оказывалась в полном одиночестве. Донкихотство России исторически оправдано тем, что рыцарский дух в человечестве неистребим при всех пиратских пертурбациях цивилизации от древних царств до феодализма и капитализма. Исподнее рыцарство в русской культуре реально приводило к расширению государственных границ России при всей подлости пиратских настроений во всех сословиях государства Российского. Не пиратство, но рыцарство поддерживается небесами. История пассионарна и синергична: люди действуют, а кто-то подправляет на свой лад. Философствующий поэт Владимир Соловьев однажды в момент прозрения неплохо выразился: «Идея нации состоит не в том, что народ думает о себе во времени, а в том, что Бог думает о нации в вечности». Кто-то на небесах думает о России и пишет роман о новом Дон Кихоте под названием «Русская идея».

Для понимания России важно различать в истории России три разных истории: история этноса, история государства, история русского духа. Кто более других смешивает разные истории между собой, так это литераторы и историки. Ф. И. Тютчев тоже не исключение. О причине того, почему «умом Россию не понять», он имел верное представление — благодаря долгой дипломатической службе. В стихах, посвященных смерти Николая I, есть фраза: «Не Богу ты служил и не России. Все было ложь в тебе и помыслы пустые». Император Николай Павлович не был лучшим правителем России, не был и худшим. Так что упрек Тютчева можно отнести к любому самодержцу, включая Николая II или Ленина со Сталиным. Ленин и не скрывал того, что он служит не Богу и не России, а мировой революции. Сталин служил, конечно, России, но не Богу. Причина, почему правители России не служат одновременно «и Богу, и России», после нелицеприятных очерков Карамзина была на поверхности, так что во фразе «Умом Россию не понять» достаточно лукавства.

Великие поэты России тоже не особенно отличились пониманием отечества. Когда А. С. Пушкин определил Санкт-Петербург «окном в Европу», в этом было много неправды. «Окна» в Европу и до этого были. Понятно, что метафора Пушкина имела метафизический смысл, а не историко-экономический. Но именно метафизика этой пушкинской метафоры в корне не верна. Петр I новой столицей открывал окно в рыцарство, причем в рыцарство не европейское, а общецивилизационное. И на фоне петровских свершений пушкинская метафора явно мелковата. Есть такие полупричины, что хуже лжи. Хуже в том смысле, что уводят интеллект в область медицины. Так, в одном учебнике приводится пример: психиатр спрашивает пациента о том, чем отличаются трамваи от троллейбусов. Ответ пациента гласил: «Трамваи бывают чаще красными, чем синими, — а троллейбусы чаще синими, чем красными». Наблюдение верное, ответ не верен. Так и с пушкинским «окном в Европу».

О том, что А. С. Пушкин не понимал Россию, говорят как его взгляды, так и творчество. Поэт поддержал декабристов в их царевбийственных планах, но не понял критических идей в «Философических письмах» своего друга П. Я. Чаадаева. В гениальном стихотворении «Песня о вещем Олеге» поэт мистически проникает в суть человека-всадника эпохи рыцарства, но представляет одиозного пирата сентиментальным богатырем под стать «витязю в тигровой шкуре». Наша школа транслирует пушкинские смешения рыцарства и пиратства на миллионы голов молодого поколения, нимало не заботясь о том, что потом эти головы будут принимать законы государства.

В знаменитой фразе А. Блока «Да, скифы мы, да, азиаты мы» неправда касается этнической истории русского народа. Так о себе могли бы сказать в России только осетины. Скифская дружина сгинула во II веке до нашей эры в походах по Малой Азии, а скифы-земледельцы изгнаны из Крыма, Дона и Кубани в середине III века нашей эры скандинавскими готами. Спустя столетие готы были согнаны гуннскими племенами, в том числе булгарами, за Дунай. Искать скифский след в русском этносе примерно то же самое, что искать след рыбы в воде.

В этнической истории едва ли не всех народов цивилизации слишком много белых пятен. Народы меняли территории, перенимали друг у друга языки, образовывали государства порой на пару лет, которые исчезали так же внезапно, как и возникали. Но в истории цивилизации были механизмы вполне стабильные, универсальные при всех трансформациях истории. Один из таких универсальных механизмов касается рыцарства и пиратства. Рыцарство — обязательная стадия в возникновении цивилизации, ответственная за формирование общества знати и оригинальный образ жизни с ориентацией на приключение, игру, роскошь, куртуазность и этикетное ведение войны. Но как только цивилизация достигает деспотической организации власти,

неминуемо происходит оборачивание рыцарской культуры в пиратство. Пиратство представляет собой неизбежный спутник цивилизации, достигая порой масштабов самой цивилизации. Пираты строили города, водили флотилии, грабили и уничтожали страны, возглавляли религиозные организации и назначали государей. Не замечать глобальной роли пиратства в истории цивилизаций — значит не понимать духа и хода всемирной истории.

Все цивилизации естественным образом достигают стадии деспотии, что совершенно не соответствует интересам человечества. Как говорил Гегель, «история — не арена счастья». Поэтому с самых ранних этапов формирования отдельных «очагов цивилизации» начинается исход — добровольная или вынужденная миграция части населения. Сам феномен рыцарства обязан такого рода исходу. По мере роста богатств возникает иная форма исхода — пиратство. При увядании цивилизации или ее насильственным уничтожении возникает исход в форме миграции населения за пределы всех очагов цивилизации — так возникают временные поселения, образ жизни которых историки именуют «родовым строем». На Земле все ныне существующие аборигены являются потомками отживших цивилизаций. Именно поэтому многие «аборигены» имеют сложные календари, привычки к изысканным кулинарным рецептам, этикетные формы общения, гармоничный вокал, странные формы вычислений. Если полукочевой образ жизни «родового строя» с временным жильем в форме землянок, хат, юрт, шатров, кибиток обретает характер городской застройки, то образуется «новая знать», которая обнаруживает в собственной «черни» элементы аристократизма. На какое-то время народ и знать узнают друг в друге рыцарство, объединяясь в «государство» — чтобы, пройдя «стадию цветения», потерять друг друга в холопстве одних и в глумливой наглости других. Не случайно Г. Гегель называл государство «действительностью нравственной идеи», правда забывая добавить «на короткое время». А без этого уточнения нельзя в правоте отказать Ф. Ницше, которому государство представлялось самым чудовищным из всех чудовищ: оно лжет все, о чем говорит, и все, что имеет, оно украло.

Литература

- Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1984.
Бердяев Н. А. Смысл творчества. М., 1989.
Бэкон Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1977.
Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПбГУ, 2007.
История Европы. Т. 2. Средневековая Европа. М.: Наука, 1992.
Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. М., 1989.